

национального правосудия. Однако, можно констатировать наличие определенного парадокса: провозглашая в преамбулах к основополагающим документам в области прав человека то, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве, и что достоинство присуще всем членам человеческой семьи, международное право не дает человеку правовых механизмов для защиты своего достоинства *во всех случаях*. Человек может сделать это лишь в ограниченном ряде случаев (в большинстве своем связанных с пытками или нарушением прав в заключении). Так что же: международно-правовая защита «достоинства личности»: миф или реальность?

Список источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : «А ТЕМП», 2004. – 944 с.
2. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1986. – 590 с.
3. Glensy, R. D. The right to dignity/ R. D. Glensy // Columbia human rights law review. – 2011. – Vol.70. – P.66–142.
4. McCrudden, Ch. Human dignity and judicial interpretation of human rights / Ch. McCrudden // The European journal of international law. – 2008. – Vol.19, № 4. – P.655–724.

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В РАМКАХ СНГ, ЕВРАЗЭС И ЕАЭС

Голуб В.И., аспирант кафедры международного права БГУ

В современных условиях беспрецедентного по своим масштабам процесса глобализации, динамичного развития международных экономических отношений, все более повышается роль международной экономической интеграции, что обуславливает рост числа международных экономических организаций, действующих на международной арене, в том числе в продвинутом формате.

Рассмотрим этапы формирования и функционирования Таможенного союза (ТС), как одной из форм продвинутой международной экономической интеграции, в рамках таких международных экономических организаций, как Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), акцентируя внимание на ее институциональных основах, включая структуру органов обеспечения функционирования ТС, порядок принятия и принцип действия их решений,

обращая внимание на наличие в их структуре элементов наднациональности.

Формирование ТС в СНГ. Страны СНГ не остались в стороне от процессов международной экономической интеграции и в 1993 году была предпринята первая на постсоветском пространстве серьезная попытка по созданию продвинутых форм интеграции. 24 сентября 1993 г. был заключен Договор «О создании Экономического союза», который с учетом мирового опыта предусматривал поэтапный переход от зоны свободой торговли к экономическому (валютного) союзу. Однако в силу непреодолимых противоречий между государствами СНГ данному договору не суждено было воплотиться в реальность [1, с. 114].

Очередная попытка по формированию ТС в рамках СНГ датируется 1995 годом, когда было заключено Соглашение о Таможенном союзе между Республикой Беларусь и Российской Федерацией от 5 января 1995 г., к которому 20 января 1995 г. присоединилась Казахстан, а 29 марта 1996 г. – Киргизия. Тем не менее, данный проект не достиг заданных целей по построению единого таможенного пространства, характеризующегося формированием единой внешней таможенно-тарифной политики. **Отсутствие единого органа управления тарифной политикой** не способствовало этим целям [2].

В целях продвижения интеграции в формате ТС в 1996 и 1999 годах были приняты еще два международных договора: Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. (между Беларусью, Россией, Казахстаном и Киргизстаном, в 1999 году к Договору присоединился Таджикистан) и Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. (между Беларусью, Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном). Между тем, влияние их принятия на продвижение процессов интеграции по формированию ТС было минимальным [3, с. 73].

Формирование ТС в рамках ЕврАзЭС. Неудачи в развитии интеграции в рамках «пятерки», – Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Киргизской Республики и Республики Таджикистан, – выявили необходимость создания эффективного многостороннего организационно-правового механизма практической реализации имеющихся (и будущих) договоренностей.

В 2000 году было принято решение о преобразовании таможенной «пятерки» в полноценную межгосударственную организацию с четкой структурой и эффективным аппаратом – ЕврАзЭС [4, с. 135].

Обеспечивая преемственность созданных ранее сторонами органов управления интеграцией, для выполнения целей и задач ЕврАзЭС действовали: Межгосударственный совет на уровне глав государств и

правительств; Интеграционный комитет; Межпарламентская ассамблея; Суд ЕврАзЭС. К числу вспомогательных органов относились отраслевые советы, Комиссия постоянных представителей и секретариат.

Впервые на постсоветском пространстве в данное интеграционное объединение были включены элементы наднациональности, по крайней мере, по форме. Прежде всего, следует отметить тот факт, что стороны согласились принимать решения на уровне заместителей глав правительств в постоянно действующем органе ЕврАзЭС – Интеграционном комитете на основе квалифицированного большинства голосов путем, так называемого, «взвешенного голосования». Тем не менее, в соответствии со статьей 14 Договора о ЕврАзЭС от 10 октября 2000 г. «решения органов ЕврАзЭС исполняются Договаривающимися Сторонами путем принятия необходимых национальных нормативных правовых актов в соответствии с национальным законодательством», что не позволяет говорить об их прямом действии.

В то же время, темпы формирования ТС в рамках ЕврАзЭС не устраивали Беларусь, Россию и Казахстан. В целях реального продвижения процессов формирования ТС, согласно Договору о Комиссии таможенного союза, который был подписан в городе Душанбе 6 октября 2007 г., указанные страны учредили Комиссию таможенного союза (КТС), а также приняли решение о завершении создания ТС к 2010 году. КТС являлась наднациональным органом: ее решения имели прямое действие, то есть не требовали процедуры имплементации или трансформации, принимались на основе квалифицированного большинства голосов путем «взвешенного голосования». В январе 2009 г. начала функционировать КТС с ее расширенным административный аппаратом – Секретариатом, что придало ощутимый импульс процессам формирования ТС.

С 1 января 2010 г. вступил в силу Единый таможенный тариф, стали применяться единые меры нетарифного регулирования, были упорядочены тарифные льготы и преференции для товаров из третьих стран [5, с. 27]. 6 июля 2010 г. вступил в действие Таможенный кодекс Таможенного союза, определивший для его участников единые правила таможенного регулирования и таможенного администрирования и, фактически, ознаменовавший начало функционирования ТС в полном объеме.

С целью обеспечения функционирования и развития ТС, а также в связи с началом функционирования Единого экономического пространства (ЕЭП) в 2012 году возникла необходимость трансформации КТС в новый формат управляющего органа – ЕЭК, со значительно большими полномочиями, нежели КТС. ЕЭК, как и КТС является наднациональным органом. В том же году был сформирован судебный орган ЕврАзЭС и ТС – Суд ЕврАзЭС.

Таким образом, в период с 2012 по 2014 год функционирование ТС в рамках ЕЭП обеспечивалось следующими органами интеграции: Высшим Евразийским экономическим советом (на уровне глав государств и правительств), ЕЭК, Судом ЕврАзЭС и Межпарламентской ассамблеей ЕврАзЭС.

Функционирование ТС в рамках ЕАЭС. С 1 января 2015 г. данная структура трансформировалась в следующие органы обеспечения интеграции: Высший Евразийский экономический совет (на уровне глав государств), Евразийский межправительственный совет, ЕЭК и Суд ЕАЭС, парламентский орган упразднен. Все органы обладают признаками наднациональности. Решения ЕЭК имеют прямое действие. В то же время отличительным признаком ЕЭК в порядке принятия решений от Интеграционного комитета ЕврАзЭС и КТС является отказ от «взвешенного подхода» в пользу квалифицированного голосования по принципу «одно государство – один голос». Одним из возможных объяснений данной трансформации видится достаточно большое (скорее, определяющее) влияние Российской Федерации на возможность принятия решений ЕЭК как за счет наличия лоббистских групп в ее составе [6], так и наличия неструктурированных (не организационных), но чрезвычайно мощных экономико-политических рычагов регулирования процессов интеграции в активах России. Обширный анализ причины данной трансформации, тем не менее, выходит за рамки настоящих тезисов, а также их правовой специфики, перенося центр тяжести с международно-правовой в экономико-политическую сферу.

Трансформация интеграционного пространства в связи с вступлением в действие ЕАЭС повлечет за собой дальнейшие изменения в институциональной основе обеспечения функционирования ТС и ЕЭП. Остается надеяться, что трудности переходного периода не повлияют на управляемость ТС и ЕЭП, проведение интеграционных процессов.

Список источников

1. Кембаев, Ж. М. Международная экономическая интеграция: разновидности и некоторые основные закономерности / Ж. М. Кембаев // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 109–117.
2. Кавешников, Н. Ю. Институциональная структура Евразийского экономического сообщества [Электронный ресурс] / Н. Ю. Кавешников // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы» : Электр. портал. – Режим доступа : <http://www.perspectivy.info/print.php?ID=58820>. – Дата доступа : 10.01.2015.
3. Рыжов, В. Б. Международно-правовые модели региональных интеграционных объединений (на примере Европейского Союза,

МЕРКОСУР и ЕврАзЭС) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. Б. Рыжов. – М., 2007. – 231 л.

4. Калачян, К. К. Экономическая интеграция государств-участников Содружества Независимых Государств на фоне глобализации мировой экономики (международно-правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / К. К. Калачян. – М., 2003. – 170 л.

5. Гошин, В. А. Таможенное законодательство Таможенного союза : современное состояние и основные направления совершенствования / В. А. Гошин // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2013. – № 13. – С. 26–29.

6. Бойницкий, К. Евразийская экономическая комиссия: конфигурация сил и влияний [Электронный ресурс] / К. Бойницкий // «Наше Мнение». Экспертное сообщество Беларуси : Интернет-сайт. – Режим доступа : <http://nmnby.eu/news/analytics/5218.html>. – Дата доступа: 10.01.2015.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕВЫСЫЛКИ В ТРАНЗИТНОЙ ЗОНЕ АЭРОПОРТА

Карканица Н.В., аспирант кафедры международного права БГУ

Отсутствие четкого определения статуса транзитной зоны аэропорта в законодательстве государств приводит к неопределенности правового положения лиц, находящихся на данной территории, что актуализирует проблему применения принципа невысылки. Так, известность приобрели истории иранского беженца Мехрана Карими Насери, который на протяжении 8 лет находился в парижском аэропорту, а также американского беженца Эдварда Сноудена, положение которого длительное время не комментировалось Российской Федерацией из-за его пребывания в транзитной зоне московского аэропорта.

Следует отметить, что еще в Конвенции о международном статусе беженцев 1933 года, государства-участники приняли на себя обязательства не препятствовать допуску лиц, ищущих убежище, путем применения полицейских мер, таких как высылка или недопуск на границе (*refoulement*) [1, с. 1337]. Однако Конвенция о статусе беженцев 1951 года не содержит положения о применимости принципа невысылки к индивидуальным ходатайствам о защите, сделанным на границе государства [1, с. 1340]. Конвенционная неурегулированность данного вопроса обусловила разнообразие доктринальных подходов и судебной практики.

Норвежский юрист Атле Грааль-Мадсен, например, указывает на то, что конвенционный принцип невысылки не применяется в отношении тех, кто еще не находится на территории государства [2, с. 136]. Такой же